

АРХИВ. ВОСПОМИНАНИЯ

К портрету отечественного профессионального психологического сообщества: блески реальности на официальном фраке

М.Ю. КОНДРАТЬЕВ*
Москва, Россия

Как правило, воспоминания пишутся с целью, кроме актуализации в сознании самого их автора тех или иных событий, важных по каким-то критериям для него самого, еще и для того, чтобы что-то напомнить, а главное, разъяснить кому-либо, кто является «значимым другим» для этого автора, выстроить своего рода смысловой мостик не только между прошлым и настоящим, но и между настоящим и будущим, в котором самого автора уже не будет. Безусловно, если говорить об истории возникновения профессионального сообщества, особенно такого неоднозначного и яркого, каким является профессиональное сообщество российских психологов, то это заслуживает последовательного, детального, даже дошного повествования. Но в наш стремительный, сверхскоростной век ни писать, ни читать подобную летопись попросту некому и некогда. Те, кто еще жив, в своем большинстве не нуждаются в напоминании

о том, каким образом формировалась, складывалась система отношений в отечественном профессиональном психологическом сообществе — забыть об этом невозможно, так как это и составляло реальный контекст собственного профессионального становления. В то же время современные молодые российские психологи нередко имеют весьма искаженное представление о том, кем в реальности чисто по-человечески были их учителя и кумиры. Как правило, известные, выдающиеся, знаменитые отечественные психологи предстают в воображении своих сегодняшних потомков-продолжателей как забронзовевшие статуи, своего рода «личностные мумии», лишённые живых чувствований и переживаний, отягощенные исключительно необходимостью исполнения «профессионального долга». В действительности же, конечно, все это не просто не так, а совсем-совсем не так. И чтобы доказать эту истину далеко не обя-

Для цитаты:

Кондратьев М.Ю. К портрету отечественного профессионального психологического сообщества: блески реальности на официальном фраке // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 3. С. 174–188. doi: 10.17759/sps.2015060314.

* Кондратьев Михаил Юрьевич — доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО

зательно подробно расписывать все их долгие жизненные истории, приводить примеры волевых подвигов, трудовых преодолений, а достаточно вспомнить наиболее яркие их личностные проявления, «блестки деяний», характерные всплески эмоций. И тогда и они сами предстанут перед своими коллегами теми многогранными, неоднозначными, но поистине живыми индивидуальностями, и профессиональное психологическое сообщество проявится как полноценный, противоречивый, но живой коллектив, ничего общего не имеющий с черно-белым заскорузлым идеологически выдержанным официальным портретом.

Неординарная адекватность

Во второй половине 70-х годов прошлого века, когда я устроился работать лаборантом в НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР, этот академический институт был, безусловно, наиболее продвинутым и прогрессивным психологическим научным центром в Москве. Объяснялось это целым комплексом причин: и директором здесь был академик А.А. Смирнов, человек энциклопедического ума, подлинный интеллигент, доброжелательный, спокойный и при этом готовый отстаивать каждого своего сотрудника даже в ущерб своим взаимоотношениям с начальством; и довольно большой штат Института (более 150 человек) представлял собой по-настоящему сплоченный коллектив ученых-энтузиастов со своими устоявшимися традициями и правилами общежития, нацеленный именно на работу, а не на межличностные склоки и дразги, что порой составляло основу жизни во многих «научных конторах» того времени. Но главная отличи-

тельная черта НИИ ОПП — атмосфера сотрудничества, взаимоподдержки, предклонения институтской молодежи перед старшим поколением и уважительной, почти трогательной опеки этой молодежи со стороны институтских «старейшин».

Сейчас для меня совершенно очевидно, что поддержание подобной внутриинститутской ауры было бы попросту невозможным, не будь в Институте такой удивительный и профессионально, и чисто по-человечески звездный состав талантливых «стариков». Те москвичи, которые еще помнят старый МХАТ, без сомнения ассоциируют его со мхатовскими «стариками», те кто помнят ныне Психологический институт РАО еще во времена НИИ ОПП, столь же однозначно ассоциируют его с институтскими «старейшинами» тех лет, каждый из которых был отдельным ярким миром, а все вместе — целостной и, к сожалению, навсегда уже ушедшей вселенной. Ни один из этих «стариков» не был ординарным и при этом все они вместе и каждый из них в отдельности представляли собой неординарную адекватность и времени, и миру науки, и коллегам — всему тому, чему они служили и для чего с упоением работали.

Одним из таких «старейшин» НИИ ОПП АПН СССР был замечательный психолог и яркий человек Федор Дмитриевич Горбов, руководитель лаборатории психических состояний Института. Он был достаточно известным психологом, при этом психологом-практиком, активно занимающимся проблематикой космической психологии, человеком лично и близко знакомым практически со всеми советскими космонавтами, жизнерадостным, веселым, любящим посиделки и компании. Во второй половине 70-х годов ему было около 60 лет.

Мне вспоминается одна история, именно в рамках которой я впервые увидел Федора Дмитриевича и познакомился с ним. Буквально через месяц после того, как я пришел на работу в Институт, Инна Владимировна Равич-Щербо, заведующая лабораторией психогенетики и одновременно мать моего тогда близкого приятеля, пригласила меня не столько поучаствовать, сколько поприсутствовать на заседании лаборатории, посвященной обсуждению результатов диссертационного исследования одного из своих аспирантов. Как потом оказалось, в качестве внешнего рецензента на апробацию этой диссертации был приглашен профессор Горбов. Для меня все происходящее было внове — строго научно выдержанные выступления, несколько даже пафосная взаимная вежливость дискутирующих, подчеркнуто уважительное отношение всех присутствующих к Инне Владимировне и к Федору Дмитриевичу. Так как обсуждаемая проблематика была никак для меня не родной и близкой, к середине заседания мне подумалось: «Скучновато...», что, правда, ни в коей мере не умалило чувства гордости от самого факта моего сопричастия к настоящему научному действию.

И тут ведущая заседание И.В. Равич-Щербо обратилась к Горбову: «Федор Дмитриевич, будьте добры, выскажитесь по поводу корректности постановки проблемы исследования в данной диссертации. Нас принципиально интересует Ваша оценка как официального внешнего рецензента». Все повернулись к Федору Дмитриевичу в ожидании его ответных слов, но он неожиданно для всех, молча поднялся со стула и, ничего не говоря, вышел из помещения лаборатории в коридор, даже не прикрыв за собой дверь. На лицах у всех присутствующих

отразилось живое недоумение, но уже через несколько секунд изумленным взглядам членов лаборатории предстала следующая картина. Шестидесятилетний доктор психологических наук, профессор Федор Дмитриевич Горбов на руках вошел в помещение лаборатории и, так и стоя кверху ногами, спокойным голосом произнес: «Вынужден констатировать следующий факт — исследовательская проблема в данной диссертации поставлена именно таким образом».

На протяжении многих последующих лет я нередко участвовал в подобных заседаниях, но концовка именно этого запомнилась мне как наиболее эффективная и лишённая так мешающей любой продуктивной работе надуманной напускной пафосности и пустой многозначительности.

В этом же 1977 году в НИИ ОПП произошел еще один случай, заставивший меня по-особому оценить неординарность, креативность и при этом полную личностную адекватность Федора Дмитриевича Горбова.

Любому из нас, кому пришлось в рамках своей профессиональной карьеры хоть сколько-нибудь работать в научно-исследовательских учреждениях, известна ежегодная мучительная «тягомотина» с подготовкой годовых отчетов о проведенной работе. Процедура эта и мучительна, и «тягомотна», во-первых, потому, что эти отчеты должны быть подготовлены и оформлены по бессмысленным правилам и нормам, разработанным чиновниками-садистами, а во-вторых, потому, что «сбивающий» текст отчета сотрудник априори, с самого начала однозначно уверен — никто и никогда не будет читать этот вымученный им в страданиях документ. В решающей степени именно

бессмысленность предпринимаемых усилий лишает человека его субъектности и, главное, самоуважения настолько, что, несмотря на угрозы начальства, реальные санкции в отношении неотчитавшихся, ежегодно таковые все равно находятся. По-видимому, именно поэтому из года в год администрация практически любого научно-исследовательского учреждения ближе к концу отчетного периода проводит специальные совещания, на которых «накачивает» своих сотрудников по поводу тех ужасных последствий, которые обрушатся на них неминуемо в том случае, если отчетные материалы не будут вовремя и по форме подготовлены.

Так случилось и в 1977 году. В один из присутственных ноябрьских дней все сотрудники Института были загнаны в Большую аудиторию на первом этаже, а сидящие в президиуме представители администрации Института начали «проработку» потенциально нерадивых институтских масс. Когда основной поток уговоров, предупреждений и угроз начал иссякать, а сотрудники стали уже приподниматься со своих мест, чтобы разойтись по лабораториям, в зале поднял руку Федор Дмитриевич Горбов. Ему предоставили слово. «Могу ли я обратиться к нашей администрации с просьбой принести отчет моей лаборатории за 1972 год?». В президиуме зашевелились и кто-то из институтских лаборантов по распоряжению ученого секретаря Института побежал в архив за отчетом. Через несколько минут переплетенный том был доставлен в аудиторию. Федор Дмитриевич из зала обратился к ученому секретарю, который держал в руках отчет: «Откройте, пожалуйста, текст на странице 32 и прочитайте выделенную фразу». Ученый секретарь открыл том, нашел

необходимую страницу и с выражением на весь зал прочитал: «Тот, кто дочитал данный отчет до этого места, может зайти в лабораторию психических состояний к Горбову Ф.Д. и получить за проделанную работу ящик коньяка».

Федор Дмитриевич встал со своего места и, обращаясь прежде всего к коллегам в зале, грустным голосом сказал: «Больше пяти лет жду хоть кого-нибудь. Так и не дождался!». Уже через секунду, обернувшись к президиуму, Д.Ф. Горбов произнес: «Я это совсем не к тому, чтобы не готовить отчеты. Я к тому, что мы все здесь должны понимать — таковы правила игры и помнить, что в этой жизни мы — это единое «мы», и те, кто в зале, и те, кто в президиуме!».

Понятно, что после этих слов наметившееся, проскользнувшее противостояние администрации и рядовых сотрудников исчезло, растворилось...

Кандидат наук — «академик»: лидер отечественной психогенетики

Совершенно уверен, что какие бы то ни было воспоминания, связанные с НИИ ОПП АПН СССР и Психологическим институтом РАО, выглядели бы ущербными, а не просто неполными, если в их рамках не упоминалась бы Инна Владимировна Равич-Щербо. Не столько собственно по возрасту, сколько по своей значимости в жизни Института и личностных яркости и талантливости И.В. Равич-Щербо не может не быть безоговорочно отнесена к статусу одного из «старейшин» этого знаменитого психологического центра. Человеком она была жестким, принципиальным, способным высказать в лицо любому оппо-

ненту ту истину, которую исповедовала. Надо сказать, что в Институте у нее было достаточно искренних друзей и почитателей, но и людей, не прощавших ей ее непреклонность и резкость в общении, так же было немало.

И.В. Равич-Щербо на протяжении целого ряда десятилетий безоговорочно признавалась, по сути дела, научным лидером отечественной психогенетики. При этом подобное признание она имела не только в нашей стране, но и за рубежом. Я сам неоднократно видел присланные ей многочисленные приглашения на международные конференции, симпозиумы и конгрессы, в которых она неизменно именовалась «академиком». На самом же деле, будучи заведующей лабораторией психогенетики, И.В. Равич-Щербо формально была простым кандидатом психологических наук, так до самой своей смерти и не защитившим докторскую диссертацию. На вопросы о том, почему бы ей попросту в виде научного доклада не защититься (при ее профессиональном статусе подобная акция носила бы действительно формальный характер), она, как правило, с усмешкой отвечала: «Что же мне теперь признаваться, что я кандидат наук?».

Не могу сказать, что часто, но все же в течение своей профессиональной жизни я неоднократно сталкивался с примерами подобного кажущегося отсутствия амбициозности известных психологов, не стремящихся зафиксировать свой высокий профессиональный статус с помощью специальных ученых степеней и званий. Правда, насколько мне теперь вспоминается, это практически всегда были случаи, когда они выросли в семьях знаменитых или, во всяком случае, известных и успешных ученых. По-ви-

димому, привычные к неформальному общению с дядями и тетями — профессорами и академиками, и во взрослом возрасте они больше внимания уделяли собственно личностным заслугам и достоинствам, а не внешней научной маркировке этих людей, а значит, и самих себя. Не была исключением в этом плане и Инна Владимировна Равич-Щербо, дочь известнейшего в Москве врача-профессора Равича. В послевоенные годы он жил недалеко от станции метро «Чистые пруды», в так называемом «доме врачей», в котором в те времена сконцентрировалась практически вся элита московской медицинской профессуры.

Знаю об этом, потому что в одном подъезде с Равичем в конце 40-х — начале 50-х годов проживала семья друзей моих родителей, известных пульманологов Сергея Ивановича и Ашхен Абгаровны Лапиных. Отмечу, что в те годы «дом врачей» был полупустым, так как большинство жильцов усилиями работников тогдашних спецслужб были объявлены «врачами-убийцами» и арестованы. Согласно нашим семейным воспоминаниям, Лапины, как, наверное, и Равич, также ожидали ареста практически каждую ночь. Под супружеской кроватью Сергея Ивановича и Ашхен Абгаровны лежали два собранных чемоданчика с вещами на случай ареста. Однажды ночью, часа в два (это было наиболее привычное время домашних арестов) в дверь Лапиных позвонили. Ашхен Абгаровна босиком приблизилась к двери, предварительно на прощание поцеловав своего мужа. Из-за двери послышался мужской голос: «Ашхен Абгаровна, не волнуйтесь, это я, управдом. Ничего не случилось. Вас просто верхние соседи затопили кипятком!». Только в этот момент несчастная женщина почувствовала, что обварила ноги. «Сере-

жа, Сережа! Какое счастье — это нас соседи кипятком залили», — с восторгом прокричала она вглубь квартиры, обращаясь к спешно одевавшемуся и готовящемуся к аресту своему мужу.

Понятно, что, сталкиваясь в те годы с подобной реальностью, молодая ученая И.В. Равич-Щербо до конца поняла «невесомость» каких бы то ни было высоких научных степеней и званий.

Правда, ее «кандидатство» в дальнейшем не раз ставило в тупик коллег. Помню, что в 2005 году в свет должен был выйти шестой, заключительный том «Психологического лексикона», который назывался «Психология в лицах. Персоналии». В нем в краткой форме должны были быть изложены научные биографии наиболее известных как зарубежных, так и отечественных психологов. Совершенно понятно, что по своей профессионально-личностной значимости фигура И.В. Равич-Щербо попросту не могла не быть там представлена. В то же время сделать это напрямую было невозможно, так как в список утвержденных персоналий имели право быть включены лишь те, кто являлся, как минимум, доктором психологических наук и член-корреспондентом Российской академии образования. Формально Инна Владимировна не была ни тем, ни другим. Выход из положения нашли редакторы «Психологического лексикона» А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский: за несколько дней до сдачи рукописи в издательство они решением редсовета ввели И.В. Равич-Щербо в состав редколлегии, а по положению научные биографии членов редколлегии допускалось включить в текст тома.

Помимо того, что И.В. Равич-Щербо до последних своих дней была блестящим и при этом крайне эффективным ис-

следователем, она не чуралась чтения лекций в университетах и институтах, находя, несмотря на свою академическую строгость, живой контакт с аудиторией студентов-психологов. В последние два-три года своей жизни она периодически, по моей просьбе как декана, читала профессорские лекции на факультете социальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета. С тем, чтобы уже перед лекцией наладить контакт Инны Владимировны с аудиторией и, насколько это возможно, снять напряжение у студентов в связи с заслуженным, но при этом запредельным авторитетом лектора, я каждый год неизменно перед началом лекции рассказывал одну историю, как ни странно реально произошедшую и при этом напрямую связанную с И.В. Равич-Щербо.

В 80-е, а затем и в 90-е годы XX века А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский по целому ряду причин активно занялись подготовкой словарно-энциклопедического материала по психологии. Так, ими были выпущены вполне востребованные еще и сегодня «Краткий психологический словарь» и «Психология. Словарь». Понятно, что подготовку блока словарных статей по психогенетической проблематике было поручено курировать, да и в основном лично подготовить, И.В. Равич-Щербо — очевидному лидеру отечественной психогенетики. Раскрывая методическую суть близнецового метода, Инна Владимировна была вынуждена написать и небольшую уточняющую статью «Однояйцовые близнецы». Надо сказать, что изданные на русском языке в издательстве «Политиздат» словари в 80–90-е годы были переведены на множество языков в издательстве «Прогресс» и разошлись по миру. Следует от-

метить, что переводчиками в издательстве «Прогресс» в подавляющем своем большинстве служили исчерпывающе проверенные службами КГБ СССР люди, но психологами они, как правило, не являлись. Возможно, именно в связи с этим в изданный «Прогрессом» словарь на английском языке вкралась следующая ошибка. Статья «Однойцовые близнецы» была переведена на английский язык как «Близнецы с одним яйцом». Но история на этом не закончилась. Дело в том, что в Лондоне решили переиздать этот словарь своими силами. На это раз переводчиками выступили в основном английские психологи, а за базовый материал были взяты статьи из изданного на английском языке «Прогрессом» словаря. Все та же статья — «Однойцовые близнецы» — на этот раз была обозначена совсем оригинально — «Близнецы с одним яйцом (сиамские)».

Эта история неизменно расслабляла студенческую аудиторию, помогала установить изначальный контакт между слушателями и лектором, но в то же время заставляла задумываться каждого из нас о том, насколько зависимым и уязвимым оказывается даже самый серьезный ученый от непрофессионального и безграмотного окружения, если оно облечено неоправданными полномочиями, раздаваемыми формальными внешними силами.

«Мачо» отечественной психологии

Если говорить об известных династиях в отечественной психологии, то первая приходящая из них на ум — это Леонтьевы Алексей Николаевич, Алексей Алексеевич и Дмитрий Алексеевич — дед, академик АПН СССР, Лауреат Ленинской

премии, декан психологического факультета МГУ; отец, академик РАО, доктор психологических и филологических наук, профессор психологического факультета МГУ; внук, доктор психологических наук, профессор психологического факультета МГУ. Согласитесь, более чем впечатляет. Но, если задуматься, то в памяти всплывает и еще одна бесспорно замечательная династия ученых-психологов — это Зинченко: Петр Иванович Зинченко и его сын и дочь — Владимир Петрович Зинченко и Татьяна Петровна Зинченко, все, конечно же, известнейшие доктора наук и профессора. Если применительно к династии Леонтьевых совершенно очевидно, что «центральной» фигурой является Алексей Николаевич, то, во всяком случае, по моему мнению, наиболее яркой личностью и выдающимся ученым в семье Зинченко был недавно, к сожалению, ушедший из жизни академик РАО Владимир Петрович.

Я совершенно неслучайно в предыдущей фразе на первое место при обозначении особенностей Владимира Петровича Зинченко как человека поставил именно его личностную незаурядность, неординарность, многомерность. Это, конечно, ни в коей мере не означает, что как ученый он был менее значим. Замечательный исследователь, талантливый теоретик, человек энциклопедического, во многом философского ума... Не говоря уже о его многочисленных и крайне разносторонних научных трудах, достаточно вспомнить его удивительно глубокую, правдивую и, несмотря ни на что, безусловно жизнеутверждающую книгу «Посох Осипа Мандельштама и Трубка Мамардашвили. К началам органической психологии». И все же, наверное, если внимательно «покопаться» в списках

отечественного профессионального психологического сообщества, удастся найти в нем в научном плане вполне рядоположенные фигуры, а вот в личностном плане В.П. Зинченко был неповторим, причем на протяжении всей своей достаточно продолжительной жизни. Помимо высочайшего интеллекта, настоящей мужской смелости, достоинства и самоуважения, щедрости, удивительно выраженными у Владимира Петровича были юмор, коммуникабельность и отсутствие высокомерия, подлинная человеческая доступность. По-видимому, именно этот набор качеств в решающей степени и обусловил то, что, будучи всегда в центре внимания и у «научного начальства», и у всего профессионального психологического сообщества, официальных серьезных постов он в течение жизни практически не занимал. Исключением, пожалуй, было назначение В.П. Зинченко председателем Экспертного совета по педагогике и психологии ВАК РФ, в то время, когда он был избран академиком-секретарем Отделения психологии и возрастной физиологии РАО. Правда, период этот был недолгим — 1993—1997 годы.

Я, конечно, знал, кто такой Владимир Петрович Зинченко еще с 1977 года, когда пришел лаборантом в НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР, но это было, что называется, одностороннее знание. Помню, мы с сыном Никитой, которому было лет десять, смотрели телевизор и вдруг на экране появился Владимир Петрович Зинченко, рассказывающий что-то научно-популярное об эффектах восприятия. От неожиданности я воскликнул: «Владимир Петрович Зинченко!». Никита с неподдельным восхищением воззрился на меня, знакомого с тем, кого показывают по

телевизору: «Ты его знаешь?!». «Конечно, — гордо ответил я, — это Владимир Петрович Зинченко, психолог, так же, как и я». А про себя подумал: «Я-то его знаю, а вот он меня — нет...».

Действительно лично познакомился я с Владимиром Петровичем в 1993 году, когда специально для этого знакомства тогда президент РАО А.В. Петровский пригласил нас в Дом актера на закрытый просмотр фильма Ролана Быкова «Чучело», в котором он являлся научным консультантом. После фильма, уже сидя в кафе, Артур Владимирович, еще раз уже официально представив нас друг другу, рассказал, что ему поручено сформировать новый Экспертный совет по педагогике и психологии ВАК (тогда Высшая аттестационная комиссия была не как сейчас при Министерстве образования и науки, а при Совете министров РФ) и он, будучи членом Президиума ВАК, собирается предложить в качестве председателя Экспертного совета Владимира Петровича Зинченко, а в качестве ученого секретаря — меня. Не знаю, было ли это предложение неожиданным для Владимира Петровича (думаю, что нет, вряд ли могло быть, что о возможности подобного назначения ему в принципе было неизвестно), но для меня подобный карьерный скачок, да еще возможность работать вместе с легендарным В.П. Зинченко и с другими ведущими отечественными психологами был поистине неслыханным сюрпризом. Владимир Петрович посмотрел на меня, потрясенно молчащего, со снисходительной, но явно доброжелательной улыбкой и, обернувшись к Петровскому, произнес: «Ну если Михаил Юрьевич одобрит Ваш выбор председателя, то уж я-то, конечно, на такого ученого секретаря согласен».

С этого дня последующие четыре с лишним года раз в две недели в доме в Брюсовом переулке проходили заседания Экспертного совета по педагогике и психологии ВАК РФ, которым руководил Владимир Петрович Зинченко, а участвовали такие замечательные психологи, как А.И. Донцов, И.В. Дубровина, И.А. Зимняя, В.С. Мухина, В.А. Пономаренко... Представляете себе, какая школа была для меня, обычного кандидата психологических наук. И «директором», душой этой школы был Владимир Петрович Зинченко, ни разу за все эти годы, с одной стороны, не упустивший рычага управления этим сложнейшим, но коллективом, и в то же время, с другой стороны, ни разу не позволивший себе повысить голос на кого-нибудь из членов совета или просто прибегнуть к авторитарному давлению в ущерб объяснениям того, почему следует принять то или иное решение.

И еще об одном. Понятно, что отношение к Владимиру Петровичу каждого из членов Экспертного совета было индивидуальным. Это были совершенно состоявшиеся в профессиональном и карьерном плане взрослые и даже пожилые люди, у которых система отношений с Владимиром Петровичем Зинченко никак не исчерпывалась контактами в стенах ВАК, но все они безоговорочно признавали его авторитет в качестве председателя совета и все без исключения были благодарны ему за то, что могли высказывать свое мнение без оглядки на начальство, перед которым Владимир Петрович Зинченко совершенно бескомпромиссно и бесстрашно отстаивал позицию и всего Экспертного совета, и каждого из нас в отдельности. Все мы были тогда, что называется, «под его крылом».

В те годы я лично очень сблизился с В.П. Зинченко, воспринимал его как наставника по жизни и, главное, именно его модель такого по-настоящему мужского, ответственного поведения стала для меня своего рода образцом для подражания. Вспоминаю, что я даже сменил марку сигарет с тем, чтобы и курить то же самое, что и Владимир Петрович, перенял я и некоторые другие его привычки, правда, к сожалению, лишь внешние. Понятно, что, если удавалось, я старался побольше времени проводить рядом с ним, ходил на его лекции, во всяком случае, на публичные, стремился, где возможно, пересечься с тем, чтобы лишний раз даже не столько поговорить с ним, сколько послушать его. А послушать было что, так как Владимир Петрович общался и дружил с самыми интересными, глубокими и талантливыми представителями ученого мира и мира искусства.

Портрет Владимира Петровича был бы явно неполным, если не упомянуть его талант лектора. Любое публичное выступление В.П. Зинченко, любая его лекция в Университете или даже на каких-то курсах повышения квалификации всегда привлекали внимание, были ярким, запоминающимся действием, наполненным живым контактом с аудиторией. Как об ораторе, как о «златоусте» о Владимире Петровиче ходили легенды, которые в действительности были самой настоящей былью. Студенты его обожали. Он был свободен в своих высказываниях, всегда был способен к неожиданным ассоциациям, ответам на любые вопросы. И при этом он был красив, мужествен — настоящий «мачо». Уже через минуту после начала выступления все слушатели — мужчины, и женщины — испытывали чувство восхищения, чело-

веческой влюбленности в стоящего перед ними широкого душой талантливого человека.

Мне вспоминается одно, в принципе совершенно «проходное» выступление Владимира Петровича Зинченко на каких-то малозначительных курсах повышения квалификации провинциальных работников образования. Так сложилось, что мне в тот раз удалось «увязаться» за ним, и я присутствовал на его выступлении. В помещении Университета Российской академии образования лектора Зинченко ожидала обычная группа слушателей — человек тридцать преподавателей педагогики и психологии провинциальных пединституты, среди которых, кроме взволнованных предстоящей встречей с академиком женщин среднего возраста, присутствовал и один-единственный слушатель-мужчина. Они приехали в Москву на несколько дней с тем, чтобы прослушать цикл лекций, одной из которых была лекция В.П. Зинченко. Было совершенно очевидно, что единственный в их группе мужчина-слушатель в связи с отсутствием конкуренции просто купался во внимании своих согруппниц. Понятно, что при появлении Владимира Петровича все женское внимание было переключено на него. Мужчина-слушатель моментально внутренне напрягся и, что называется, настроился на конкурентную конфронтацию. Владимир Петрович, как всегда, мастерски и ярко прочитал лекцию, посвященную проблематике восприятия, и в завершении ее традиционно произнес: «Если есть какие-то вопросы, то я с удовольствием готов на них ответить». Завороженные слушательницы сидели, не шелохнувшись, и молчали. В этот момент из-за заднего стола взметнулась ру-

ка единственного в аудитории, кроме нас с В.П. Зинченко, мужчины. Он почти выкрикнул свой вопрос, будучи уверен, что поставит Владимира Петровича в тупик: «А почему же образ воспринимаемого не формируется непосредственно в глазу?». Владимир Петрович доброжелательно и как-то с сожалением посмотрел на возбужденного слушателя и мягко, словно ребенку, пояснил: «Ну, дорогой мой, это было бы как-то уж очень негигиенично». Мы вышли из аудитории и В.П. Зинченко тут же окружила толпа слушальниц. Задавший вопрос их товарищ так и остался сидеть в аудитории.

Многое изменилось в жизни Владимира Петровича Зинченко и во многом изменился он сам, начиная с 1997 года, когда Н.Д. Никандров и В.А. Поляков, на мой взгляд, просто обманом, сыграв, что называется, на подростковом «слабо», втянули его в заговор по снятию А.В. Петровского с поста Президента РАО, что, в конечном счете, привело к тому, что он оставил пост академика-секретаря Отделения психологии и возрастной физиологии и даже покинул состав этого родного для него Отделения. Последние годы своей жизни, несмотря на то, что он личностно изменился, погрузился в себя, существенно растерял свой искрометный юмор, Владимир Петрович Зинченко активно и плодотворно работал и при этом оставался самым привлекательным и талантливым «мачо» отечественной психологии.

Авторитет власти и власть авторитета

Сегодня никого не удивишь тем, что сотрудник академического научно-иссле-

довательского института преподает в том или ином университете, а какой-нибудь доцент или профессор одновременно является научным сотрудником НИИ. Конечно, в середине 80-х годов прошлого века подобные ситуации так же порой имели место. Но это не было обычным, массовым явлением, как сегодня. В то же время Артур Владимирович Петровский, болея душой за каждого из своих сотрудников, стремился пристроить нас к дополнительной работе, а значит, и к заработкам, используя все свои оставшиеся после потери поста вице-президента АПН СССР немногие возможности.

Мне вспоминается солнечный весенний день 1985 года, когда мы шли зачем-то с ним от ГУМа по направлению к Политехническому музею. На тротуарах, рядом с мощеной мостовой вразброс стояли круглые массивные, похожие на катушки для металлических тросов театральные тумбы для объявлений. Проходя мимо одной из них, А.В. Петровский вдруг остановился, ткнул пальцем в огромный лист бумаги, опоясывающий тумбу, и произнес: «Читай. Только смотри, себя не пропусти». На афише я прочитал, что в октябре того года (т.е. через шесть месяцев) под эгидой Всесоюзного общества «Знание» будет прочитан в Политехническом музее цикл психологических публичных лекций по абонементам. С изумлением я обнаружил, что наряду с такими знаменитыми лекторами и выдающимися психологами, как А.В. Петровский, И.С. Кон, В.П. Зинченко и т.п., лекцию «Авторитет власти и власть авторитета» прочтет кандидат психологических наук М.Ю. Кондратьев. Пока я, не будучи способным в принципе осознать реальность происходящего, тараторил на афишу, А.В. Петров-

ский объяснял мне, что настоящий ученый должен не только проводить исследования, но и уметь профессионально читать лекции, популяризируя свои научные достижения. Надо сказать, что я уже тогда понимал, насколько престижным было оказаться в списке подобного рода «популяризаторов». Завершая свой нравоучительный монолог, Артур Владимирович многозначительно добавил: «Кстати, за лекцию заработаешь больше восьмисот рублей». Деньги были, конечно, колоссальные. Достаточно сказать, что моя месячная зарплата старшего научного сотрудника, кандидата психологических наук исчислялась двухсот тридцатью рублями. Но я вообще никогда и нигде не читал лекций, тем более публичных, по абонементу, да еще и в аудитории, насчитывающей не менее пяти-сот-шестисот человек. Понятно, что, не отходя от Артура Владимировича в течение всего последующего дня, я неистово уговаривал его убрать меня во что бы то ни стало из этого списка. Он мог это сделать, потому что к тому времени оставался еще заместителем председателя Всесоюзного общества «Знание». Отчаяние и испуг мой были настолько неподдельными, что он дрогнул и пообещал мне: «Хорошо, завтра же вычеркну тебя. Хотя зря...».

Прошло время, наступил октябрь... Как-то утром в пятницу я перед работой пил кофе на кухне, на стене тихонько что-то шептал радиоприемник. Почему-то, к своему счастью, я прислушался к голосу из репродуктора: «В театре «Современник» сегодня состоится спектакль «Трамвай «Желание»... В Политехническом музее пройдет публичная лекция кандидата психологических наук Михаила Юрьевича Кондратьева «Авто-

ритет власти и власть авторитета»... В Консерватории...». Холодный пот выступил у меня на лбу, я схватился за телефонную трубку: «Алло, Артур Владимирович, Вы же обещали, что снимите мою лекцию...». Петровский спокойным голосом ответил: «Ну, Миша, ну забыл, что ж теперь-то делать? Подготовься, да и прочитай сегодня вечером». Сердце мое бешено колотилось. Было совершенно очевидно, во всяком случае, для меня, что читать эту лекцию я не буду. Ни при каких обстоятельствах. Умру, но не буду. Что же делать? И тут мне пришла, как оказалось в дальнейшем, спасительная мысль — я вспомнил своего хорошего приятеля, Сергея Николаевича Ениколопова, который по-настоящему умел и, главное, любил выступать перед аудиторией. Уже через минуту я хитро, как Лиса Патрикеевна, уговаривал Сергея спасти меня и выступить с лекцией в Политехническом музее: «Сережа, какая им разница про авторитет будет эта лекция или о фрустрации? Все одно — про жизнь. А потом, подумай, ведь восемьсот рублей...». Не знаю, уж какой из моих доводов возымел действие, но вечером этого же дня в Политехническом музее С.Н. Ениколоповым была успешно прочитана публичная психологическая лекция. Правда, на следующий день мой спаситель рассказал, что после окончания выступления, когда с мест начали задавать вопросы, к нему почему-то обращались исключительно как к Михаилу Юрьевичу, да еще и с записками, напечатанными на машинке, по поводу проблематики авторитета.

Прошло несколько лет прежде, чем я решился после истории с Политехническим музеем выступить в роли лектора. Да и то не по собственной воле, а в свя-

зи с настоящей необходимостью «спасти лабораторию». Однажды к нам во второе здание Психологического института, которое находилось напротив Консерватории, неожиданно пришел Анатолий Алексеевич Деркач, в те годы работавший профессором психологии в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Он прошел в кабинет заведующего лабораторией А.В. Петровского, а через минуту последний позвал туда уже и меня. Оказалось, что по распоряжению Президиума АПН СССР назначена проверка исполнения лабораторией «опального» академика Петровского научно-исследовательской работы за последние пять лет, и осуществлять эту проверку было поручено такой, как бы нейтральной внеакадемической фигуре, как А.А. Деркач. Позиция Анатолия Алексеевича, которая прояснилась сразу же в начале беседы, меня потрясла своей простотой и прозрачной искренностью: «Артур Владимирович, как Вы понимаете, проверять Вашу научную состоятельность мне и на ум не приходит. Поэтому я предлагаю следующий вариант осуществления подобной немислимой ревизии — Вы готовите итоговые материалы проверки, а я их подписываю». Понятно, что Артур Владимирович тут же с благодарностью согласился и при этом отрядил меня готовить документы. В течение, сейчас уже не помню, двух или трех дней я творил заключение проверки, время от времени советуясь по телефону с А.А. Деркачом по поводу того, какие незначительные недостатки должны быть включены в итоговый вариант бумаги с тем, чтобы она выглядела реалистичной. Наконец был назначен день, когда мы все трое — Петровский, Деркач и я встретились в

кабинете у Артура Владимировича и в условиях отсутствия тогда принтеров, склонившись над черновиком, все втроем одновременно прочитали эту официальную бумагу, а затем отдали ее на перепечатку. Вот тут-то и произошло, как потом оказалось, знаменательное для меня событие. Анатолий Алексеевич, обратившись к Артуру Владимировичу, вдруг сказал: «А теперь поговорим о цене вопроса». Брови Петровского изумленно взметнулись. А.А. Деркач улыбнулся: «Да я шучу, Артур Владимирович. Я это к тому, что мне бы хотелось, чтобы Михаил Юрьевич прочитал нашей учебной спецгруппе шестнадцатичасовой курс «Авторитет власти и власть авторитета». Лицо Петровского прояснилось, он заулыбался и ответил: «Ну, конечно, Анатолий Алексеевич, разговора нет. Миша, давай выручай нашу лабораторию». Я настолько опешил от неожиданности, что не нашелся спросить ничего, кроме: «А что значит спецгруппа?». Уже выходя из кабинета Петровского, Деркач почти через плечо бросил мне: «Это двадцать пять секретарей обкомов партии по идеологии. Ладно, созвонимся».

Надо сказать, что к тому времени я и правда занимался практически по распоряжению вице-президента АПН СССР А.Г. Хрипковой не своими несовершеннолетними правонарушителями (она считала, что в СССР детской преступности не существует), а проблематикой авторитета учителя. Но, во-первых, одно дело — авторитет педагога, а другое дело — проблематика авторитета в контексте общественных отношений в целом, а, во-вторых, и это главное, — одно дело заниматься эмпирическими исследованиями, а другое — читать курс лекций, да

еще и в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Понятно, что оставшиеся до начала лекций две недели я в страхе судорожно готовился к своему преподавательскому дебюту.

Академия общественных наук при ЦК КПСС в то время, о котором идет речь, располагалась недалеко от метро «Белорусская» на Миусской площади, где сегодня вольготно раскинулся Российский государственный гуманитарный университет. Именно там я в течение двух недель в конце 80-х годов и читал шестнадцатичасовой курс «Авторитет власти и власть авторитета» целой учебной спецгруппе — секретарям обкомов партии по идеологии.

На первый взгляд, удивительно, но больше мне никогда не удавалось встретиться со столь дисциплинированными, усердными, старательными и послушными слушателями. Сегодня я совершенно уверен, что объяснялся этот феномен абсолютного послушания крайне просто. Эти руководители, привыкшие к беспрекословному подчинению своих сотрудников, в подавляющем большинстве были классическими авторитарными личностями. Как известно, согласно позиции Адорно, создавшего F-шкалу, авторитарной личностью является не тот субъект, который безапелляционно давит нижестоящего в социальной иерархии, а, прежде всего, тот, кто практически без насилия над собой готов подчиняться давлению социального «верха», но лишь при условии, что ему как законопослушному представителю «системы» дается право быть проводником вниз этого социального давления, а значит, и право «давить» нижестоящих во властной иерархии. По сути дела, речь идет, прежде

всего, не об авторитете личности, а об авторитете роли, авторитете власти. Совершенно очевидно, что в тех условиях, в которые они попали по тем или иным причинам, будучи посланными своим начальством на повышение профессиональной квалификации, они воспринимали себя (пусть на время) нижестоящими по сравнению со своим преподавателем, который оказался для них в ранге представителя вышестоящего в данном конкретном случае партийного статусного «уровня».

На заключительную лекцию ко мне, по-видимому, с инспекционной задачей пришли заведующий кафедрой, профессор Уледов, его заместительница, профессор Яблокова и «заваривший всю эту кашу» профессор Деркач. Я, за две недели своей преподавательской деятельности обретший полную уверенность в своем беспрекословном праве руководить секретарями обкомов, появился в аудитории, когда все три эти профессора уже в ней находились. Войдя в помещение, я поздоровался со слушателями, которые, как первоклассники, мгновенно вскочили со своих мест, и, обернувшись к доске, достаточно резко спросил: «Кто сегодня дежурный? Намочите тряпку и сотрите с доски». Один из высокопоставленных слушателей с готовностью поспешил выполнить указание. Изумление на лицах профессоров — штатных сотрудников Академии общественных наук при ЦК КПСС было трудно не заметить. По окончании занятий, подводя итоги моего педагогического дебюта, профессор Уледов не преминул заметить с некоторой укоризной: «Знаете, Михаил Юрьевич, даже я не позволяю себе в таком тоне общаться с секретарями обкомов. Но на Вас они не жаловались».

Вполне возможно, что подобная успешная лекторская практика в столь уважаемом тогда учреждении позволила бы мне выстроить достаточно быструю преподавательскую карьеру, но в дело вмешалась моя мама. Через месяц в нашей квартире раздался звонок (как потом я узнал, мне хотели предложить место работы в Академии общественных наук), к телефону подошла моя мама. Из трубки она услышала: «Позовите, пожалуйста, к телефону Кондратьева Михаила Юрьевича». «Он на работе. Что ему передать? Кто ему звонит?». Ответ прозвучал твердо и значительно: «Вас беспокоят из ЦК партии». «Какой партии?». Конечно же, мама знала, что партия у нас тогда была одна, но знала она также и то, что к нашей семье эта партия никакого отношения не имела. В трубке никакого отношения не имела. В трубке помолчали и затем как-то даже немного обиженно отреагировали: «У нас, слава богу, партия одна». Больше мне не перезванивали, да и через некоторое время партий в стране стало много...

Шутки шутками, но сейчас я могу с полной уверенностью сказать, что именно опыт (пусть и небольшой, но успешный) преподавания в Академии общественных наук при ЦК КПСС позволил мне набраться смелости и в 1998 году согласиться на предложение академика РАО В.В. Рубцова перейти с должности главного научного сотрудника Психологического института РАО на должность декана факультета социальной психологии Московского городского психолого-педагогического института (ныне университета), в котором я и проработал следующие пятнадцать лет, создавая вместе со своими сотрудниками первый в Российской Федерации факультет социальной психологии.

On the Portrait of the Russian Professional Psychological Community: Sparkles of Reality on the Official Tailcoat

M. YU. KONDRATYEV*

Moscow, Russia

The main distinguishing characteristic of SRI GEP is the atmosphere of comradery, mutual support, youth's admiration for the older generation and respectful, almost touching care for this youth on the part of the "elders". Now for me it is absolutely obvious that maintaining such an atmosphere would have been impossible if the institute had not possess such an astonishingly and professionally top-level group of "elders".

For citation:

Kondratyev M. Yu. On the Portrait of the Russian Professional Psychological Community: Sparkles of Reality on the Official Tailcoat. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2015. Vol 6, no. 3, pp. 174–188 (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/sps.2015060314.

* *Kondratyev Mikhail* — Doctor in Psychology, professor, corresponding member of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia